

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВАЦИИ МИШЕЛЯ ФУКО

© С. И. Голенков

Голенков Сергей Иванович
доктор философских наук,
профессор
Самарская
гуманитарная академия

Статья посвящена анализу понятия «субъективация» у Мишеля Фуко. Актуальность темы статьи задана нетрадиционной трактовкой субъективности французским философом, с одной стороны, и проблематизацией субъекта в связи с разрушением традиционных оснований идентичности в современной социальной жизни — с другой.

Ключевые слова: субъект, субъективность, субъективация, объективация, техники разделения, практики разделения, идентификация, индивидуализация, другие.

По признанию самого Фуко, проблема субъекта была для его творчества основной и центральной темой. В работе *Субъект и власть* (1982) он пишет, что цель работы в последние 20 лет состояла не в анализе феноменов власти, а в написании истории различных режимов субъективации человека в западноевропейской культуре, которые преобразуют людей в субъекты¹. Важность этой задачи он усматривал в преодолении традиционного понимания субъекта как целостного и самоотжественного, поскольку, по его глубокому убеждению, такого «суверенного и основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует»². Фуко считал, что субъект не является ни субстанцией, ни априорной формой существования разумного индивида. Напротив, субъект представляет собой результат осуществления разного рода

¹ См.: Фуко, М. *Субъект и власть* // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 161.

² Фуко, М. *Эстетика существования* // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С.301.

Понятие субъективации Мишеля Фуко

практик подчинения или освобождения. «Я хотел, — говорит Фуко в беседе с Х. Беккером, Ф. Форне-Бетанкурром и А. Гомес-Миоллером в январе 1984 г., — показать, как складывается сам субъект в той или иной детерминированной форме, показать с помощью известного количества практик, которые были играми истины, практиками власти. А для этого нужно было отказаться от определенной *априорной* теории субъекта, чтобы суметь провести анализ отношений, которые могут существовать между формированием субъекта или различными формами субъекта и играми истин, практиками власти и т. д.»³ Таким образом, видно, что понятие «субъективация» играет у Фуко одну из центральных ролей в анализе тех отношений и практик власти, в которых существует человек. С помощью этого понятия он анализирует механизм становления, складывания субъекта как существа социального и, как мы покажем ниже, вскрывает механизм формирования самой социальной связи.

ЧТО ТАКОЕ «СУБЪЕКТИВАЦИЯ»?

В статье вряд ли можно будет достаточно полно, глубоко, во всех деталях обсудить эту тему. В ней ставится достаточно локальная задача: найти ответ на вопрос о том, что Фуко понимает под субъективацией? Что нового его понимание вносит в науку о субъекте?

В беседе с Ж. Барбеттом и А. Скала, имевшей место в мае 1984 г., Фуко так определил понятие субъективации: «Субъективацией я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря — субъективности, какая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания»⁴. Субъективация — это *складывание* субъективности, субъекта. Из такого определения субъективации следует, во-первых, что *до* этого процесса субъекта, субъективности не существует и, во-вторых, что сама субъективность, а с ней и субъективация, есть «одна из заданных возможностей организации некоего самосознания». Рассмотрим подробнее эти тезисы.

Фуко в своем определении последовательно проводит позицию неприятия априорной субъективности, которая заявлена им в докладе *Что такое автор?* (1969). В этом докладе он обсуждает одну из сквозных и центральных тем своих размышлений — тему «смерти человека», лейтмотивом которой как раз и является критика трансцендентального субъекта. Трансцендентальному субъекту традиционной философии Нового времени, начало которого Фуко связывает с именем Декарта, он противопоставляет исторического субъекта, идея которого, по его мнению, принадлежит Канту⁵. Идея историчности субъекта позволяет поставить вопрос об условиях и основаниях возникновения субъекта. Фуко ставит этот вопрос не в плане теоретико-онтологическом, а в плане конкретно-историческом. Его интересуют не условия становления субъекта вообще, субъекта как такового, субъекта как условия самоотжественности некой суверенной, основополагающей, универсальной формы разума. Его внимание сосредоточено на условиях, при которых возникает субъект безумный, субъект желающий, субъект производящий, субъект сексуальности и т. д., во всей его конкретной данности. «Вы уста-

³ См.: Фуко, М. *Этика заботы о себе как практика свободы* // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 255.

⁴ Фуко, М. *Возвращение морали* // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 284.

⁵ Фуко, М. *Субъект и власть* // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 173.

навливае между собой не один и тот же тип отношений, — говорит Фуко, — когда вы формируетесь в качестве политического субъекта ... и когда вы стремитесь осуществлять ваше желание в половых отношениях. Наверное, между этими различными формами субъекта существуют взаимоотношения и интерференции, но мы имеем дело не с одним и тем же типом субъекта. В каждом случае происходит игра: мы устанавливаем с самим собой различные типы отношений. И меня интересует как раз историческое складывание этих различных форм субъекта в их взаимоотношениях с играми истин»⁶.

Рассмотрение этих условий, которое Фуко предпринимает в своих работах, позволяет ему утверждать, что субъект, субъективность не являются универсальной характеристикой человеческого существования, но выступают одной из исторически возможных форм организации самосознания, которая, реализовавшись в движении Реформации как выражении крупнейшего кризиса западноевропейского опыта субъективности, нашла свое метафизическое воплощение в учении трансцендентального субъекта Нового времени. Ситуация, складывающаяся в середине XX века, которая названа постмодерном и маркирована феноменом «смерти субъекта», свидетельствует о том, что субъект как *историческая* форма организации самосознания, как исторически *определенный* опыт новоевропейской субъективности вступил в новую полосу всеохватывающего кризиса. «В некотором роде, — говорит Фуко в интервью 1966 года, — здесь происходит возврат к точке зрения XVII века, с одним различием: не человека ставить на место бога, но анонимную мысль, знание без субъекта, теоретическое без идентифицируемой субъективности. ...»⁷. Ценность позиции постмодернизма как раз состоит в том, что он, поставив субъекта под вопрос, предпринял попытку анализа мест и функций, которые обнаружилились этим освобождением от субъекта.

Итак, субъективация есть процесс становления исторически определенной субъективности, исторически определенной формы организации самосознания. Однако Фуко не только отвергает традиционное понимание субъективности в качестве априорной и универсальной формы существования человека, но и развивает новое ее понимание. В традиции субъективность есть волящее и действующее самосознание, которое имеет свое основание в самотождественности, что очень точно выражено формулой «Я есть Я» Фихте. Фуко же, обосновывая историчность субъекта, показывает, что субъективность человека не задана, но становится.

Становление — Фуко говорит «складывание» — субъективности, т. е. субъективация, не является одномерным процессом. В одной из работ 1982 года, определяя цель своих исследований в последние два десятилетия, Фуко отмечал следующее: «Я пытался написать историю различных режимов субъективации человека в нашей культуре; с этих позиций я проанализировал три режима объективации, которые преобразуют людей в субъекты»⁸. Первый режим — это режим объективации человека в субъекта, который присущ различным способам исследования, стремящимся получить статус науки. Это режим превращения человека в объект научного знания. «Я имею в виду, — пишет Фуко, — например, объективацию говорящего субъекта в универсальной грамматике, филологии и лингвистике. Или же (речь идет все еще об этом первом способе

⁶ Фуко, М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 255.

⁷ Цит. по: Табачникова, С. Комментарии // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. С. 355.

⁸ Фуко, М. Субъект и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 161.

исследования) объективацию производящего субъекта, субъекта работающего — в экономике и анализе богатств. Или еще — возьмем третий пример — об объективации самого факта жизни — в естественной истории или в биологии»⁹. Зафиксируем здесь, не развивая свой анализ дальше, что Фуко полагает в качестве *одной и той же* стратегии рассмотрения человека в столь *разных* областях знания, какими являются универсальная грамматика, экономика и биология. Второй способ объективации субъекта Фуко назвал «разделяющие практики». Либо субъект разделен внутри себя, говорит он, либо разделен другими. Этот процесс разделения и превращает его в объект. Такую тенденцию демонстрируют практики разделения на безумца и человека в здравом уме, на больного и здорового, на преступника и законопослушного¹⁰. Третий способ, каким человек трансформируется в объект, можно было бы обозначить термином «самообъективация». Термин «самообъективация» не принадлежит Фуко, но точно отражает содержание этого способа. Фуко исследовал этот режим объективации на примере становления субъекта сексуальности. Самообъективация — это «способ, каким человек научился распознавать себя в качестве субъекта некой “сексуальности”»¹¹.

Таким образом, процесс субъективации Фуко рассматривает как трансформацию человека в объект, т. е. как объективацию, которая протекает в виде процесса, имеющего две стороны — внешнюю и внутреннюю. Внешнюю сторону складывания субъективности составляют социальные процессы, которые так или иначе влияют на индивида и, тем самым, *определяют* его в качестве субъекта. Это процессы познания, рассматривающие человека в качестве объекта научного знания, и социальные практики разделения, которые были предметом анализа Фуко.

Внутренняя сторона субъективации представляет собой волевые, интеллектуальные, моральные, физические и т. д. усилия самого индивида, помогающие ему *определенным* образом привести в соответствие свои внутренние притязания, потребности, интересы и т. д. с той конкретной социально-исторической и экзистенциальной ситуацией, в которой он находится. Иными словами, «внутренняя» субъективация позволяет индивиду привести в согласие мир внутренний и мир внешний. Эту сторону объективации Фуко исследовал, анализируя практики самообъективации человека.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению сторон субъективации, зафиксируем внимание на этимологии термина «субъективация», который имеет свои корни в латинском «субъект». С. Табачникова в Комментариях к странице 184 работы *Воля к знанию* отмечает, что французское *сujet* происходит от латинского *subjectus* — «подлежащее», «подчиненное», которое означает одновременно: 1) «отданный во власть», «подданный» и 2) «субъект», «лицо». Фуко «стягивает оба эти значения в глаголе» *assujettir* (собственно «подчинять»), подчеркивая момент *конституирования субъекта* как та-кого-го в обоих смыслах, равно как и наличие специальных форм, делающих это конституирование возможным¹². На то же обращает внимание и другой переводчик Фуко Б. М. Скуратов, который в Примечании к работе *Субъект и власть* указывает, что Фуко все время акцентирует смысловую игру французского *assujettissement*, которое означает и «порабощение», и «образование субъекта», «субъективацию»¹³. Эта игра с двой-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 161—62.

¹² См.: Табачникова, С. Комментарии // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. С. 366.

¹³ См.: Скуратов, Б. М. Примечания // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 310.

ным значением терминов «субъект» и «субъективация» необходима Фуко для того, чтобы все время иметь в виду субъекта как свободного и ответственного индивида, даже в ситуациях, когда он становится в качестве субъекта как продукт внешней субъективации, например, в ситуациях становления субъекта преступления или безумного субъекта¹⁴.

ВНЕШНЯЯ СУБЪЕКТИВАЦИЯ

Внешняя субъективация, по Фуко, производится практиками разделения и объективирующими процедурами в исследованиях, которые, по существу, также являются практиками, принятыми в теоретическом знании. Поскольку в формировании субъекта участвуют разные практики разделения, то, во-первых, складываются разные субъекты, во-вторых, сам формирующийся субъект представляет собой сложное, неоднородное образование. И если первое следствие очевидно, то второе требует пояснения.

Описывая роль тела индивида в механизмах формирования такого субъекта права как преступник, Фуко в работе *Надзирать и наказывать (1975)* пишет: «...Тело (преступника. — С. Г.) образует элемент, который благодаря целой игре ритуалов и испытаний свидетельствует о том, что преступление имело место, что оно само и совершило это преступление, показывает, что преступление запечатлено в нем и на нем, подвергается операции наказания и чрезвычайно наглядно является его результатом»¹⁵. Обратим внимание на то обстоятельство, что тело индивида представляет собой объект целого ряда разделяющих практик, в результате которых оно презентует *разных* субъектов. Тело индивида как свидетельство факта преступления («преступление имело место, что оно само и совершило это преступление») формирует субъекта преступного деяния; в качестве феномена преступления («преступление запечатлено в нем и на нем») оно представляет индивида как субъекта вины и субъекта осуждения; в виде наказуемого («подвергается операции наказания») оно делает его субъектом наказания; представляя последствия преступления («является его результатом»), оно делает из индивида субъект пытки и казни. Субъект-преступник — это множественный субъект, точнее, его множественность есть множественность тех практик разделения, которые воспроизводит множественность процедур субъективации: субъект преступления, субъект преследования, субъект задержания, субъект дознания, субъект вины, субъект осуждения, субъект наказания, субъект заключения и т. д. В судебном процессе и наказании происходит не только постепенное формирование и метаморфозы различные субъектов, но и их взаимная игра. Какую цель преследуют практики разделения? Но благодаря какому процессу, какому механизму объективации индивид формируется как субъект?

Цель практик разделения состоит в определении индивида как преступника, безумца, больного. Но это возможно только в том случае, если до этих практик он, во-первых, не был еще определен как преступник, безумец, больной, извращенец и т. д. и, во-вторых, индивид в себе несет возможность такого определения, точнее, любого определения. Практики разделения делают индивида понятным, точнее, *знаемым*. «Чтобы наказывать, — пишет Фуко в работе *Эволюция понятия “опасный индивид” в судебной психиатрии XX века (1978)*, — необходимо знать, каков характер виновного, какова

¹⁴ См.: Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. С. 58—59.

¹⁵ Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. С. 70.

¹⁶ Фуко М. Эволюция понятия «опасный индивид» в судебной психиатрии XX века // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 126.

степень его ожесточения и злонамеренности, каковы его интересы и наклонности»¹⁶. Для достижения этой цели есть только одно средство. Необходимо *индивидуализировать* индивида, т. е. наделить его такими характеристиками, которые позволили бы его отличить от других. Иными словами, практики разделения как механизмы субъективации выступают практиками *индивидуализирующими*¹⁷. Но индивидуализация эта своим основанием имеет возможность идентификации — это идентифицирующая индивидуализация.

Идентифицирующая индивидуализация становится благодаря возникновению целого корпуса индивидуализирующего знания, которое разнообразными взаимными связями вплетается в практики разделения, делающие их индивидуализирующими. Фуко демонстрирует становление индивидуализирующих практик на примерах становления субъекта преступления, безумного субъекта, субъекта сексуальности¹⁸. Так, рассматривая процессы становления субъекта преступления, он анализирует такой важный элемент техник следствия и дознания, как признание, имеющего давнюю историю «От “признания” как гарантии статуса, идентичности и ценности, придаваемой одному лицу другим, — пишет он, — перешли к “признанию” как признанию кого-то в своих собственных действиях и мыслях. Долгое время аутентичность индивида устанавливалась через удостоверение другими и через манифестацию его связи с другими (семья, вассальная зависимость, покровительство); затем аутентичность стала устанавливаться через истинный дискурс, который индивид был способен или обязан произносить о самом себе, признание истины вписывалось в самое сердце процедур индивидуализации, осуществляемых властью»¹⁹. Человек на Западе, по определению Фуко, стал признающимся животным²⁰. Важность признания как процедуры индивидуализации заключается не только в том, что оно идентифицирует индивида, но и в том, что признание является поступком ответственного и говорящего субъекта, которое имеет преимущество перед иной процедурой идентификации, потому что делается лично и публично²¹.

Другим ярким примером индивидуализирующих техник выступают практики наказания. Индивидуализация наказания протекает параллельно с индивидуализацией субъекта преступления, который становится в качестве субъекта благодаря идентифицирующей индивидуализации. В соответствии с выявленными в ходе судебного исследования определениями субъекта-преступника, в том числе и благодаря процедуре признания, к нему применяются методы индивидуализирующего наказания: срок, вид, интенсивность, способ исполнения наказания. Более того, сами эти методы подвержены модуляции в зависимости от того, как субъект наказания исполняет саму процедуру наказания²². Еще более явными индивидуализирующими техниками наказания выступают в процедурах пыток и казней, которые клеймением, уродованием, колодками, кандалами, ошейником, робой и т. п. зримо идентифицируют индивида в качестве субъекта наказания. Сама боль, испытываемая наказываемым индивидом в процедурах пытки и казни, исполняет роль идентифицирующей индивидуализации. В пытке/казни человек

¹⁷ Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. С. 144—145.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 157.

²⁰ См.: Там же. С. 158.

²¹ См.: Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. С. 58—59.

²² См.: Там же. С. 187—189.

испытывающий боль, через боль узнает себя, непосредственно ощущает себя как пытаемого, казнимого, наказываемого.

Менее варварскими, но более эффективными техниками субъективации выступают дисциплинарные техники. Дисциплина — «метод, который делает возможным дальнейший контроль над действиями тела, обеспечивает постоянное подчинение его сил и навязывает им отношения послушания-полезности»²³. Дисциплина, с одной стороны, организует массу тел, упорядочивая ее, но, с другой, индивидуализирует тело в направлении порядка, предданного властью. И в этом смысле, в смысле «доходя до каждого», субъективирует его в соответствии со своей целью и индивидуальными способностями тела, она как раз и выступает техникой субъективации. Дисциплинарная тактика «позволяет и характеризовать индивида как *индивида* (С. Г.), и упорядочивать данную множественность»²⁴.

Становление индивидуализирующих техник разделения приводит к возникновению социальных институтов (школа, больница, казарма, тюрьма), в основании которых лежит универсальный принцип разделения — паноптикум. Паноптизм, по Фуко, есть «абстрактная формула... технологии производства индивидов»²⁵. Принцип паноптического устройства организует пространственные единицы в качестве хорошо видимых, немедленно идентифицируемых, т. е. знаемых. «Замкнутое сегментированное пространство, где просматривается каждая точка, где индивиды водворены на четко определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, ... где каждый индивид локализован, где его изучают и относят к живым существам, больным или умершим»²⁶. Это и есть пространство разума, где ничего не скрыто, где нет теней, где все освещено светом разумности, порядка, дисциплины предписаний.

Таким образом, становление субъективности благодаря практикам разделения и техникам власти, воздействующим на индивида извне, представляет собой сложный и противоречивый процесс. Сложный в той мере, в какой индивид выступает в качестве «точки» приложения самых разнообразных практик и техник разделения. Внешняя субъективация своей идентифицирующей индивидуализацией приводит к становлению гетерогенной субъективности, которая с необходимостью является противоречивой именно в силу различных оснований, на которых проводятся процессы идентифицирующей индивидуализации. Все это позволяет Фуко на законных основаниях отказывать целостному и самоожесточенному субъекту в существовании.

ВНУТРЕННЯЯ СУБЪЕКТИВАЦИЯ

Наряду с процессами, которые формируют индивида в качестве объекта приложения разнообразных техник власти, Фуко исследует и внутренние факторы, позволяющие индивиду определиться по отношению к внешнему миру, т. е. стать субъектом своих собственных действий, желаний, целей и т. д. Процессы внутренней субъективации протекают иначе, нежели внешнее объективирование. В этих процессах субъект выступает активным началом, тогда как в процессах внешней субъективации он представлял собой всего лишь точку приложения разнообразных практик власти. «Меня интересует способ, — пишет Фуко в работе *Этика заботы о себе как практика свободы (1984)*, —

²³ См.: Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 200.

²⁴ Там же. С. 218.

²⁵ Там же. С. 330.

²⁶ Там же. С. 288.

каким субъект складывается активно, через практики самости...»²⁷. Эти «практики самости» он обозначает термином «техники себя» и подробно анализирует в *Истории сексуальности* во втором и третьем томах на примере складывания морального субъекта.

Моральный субъект появляется благодаря внутренней субъективации. Внутренняя субъективация представляет собой «техники себя» (или «технологии себя»), через которые «субъект конституирует себя в качестве такового». В них «речь идет об образовании себя через разное рода техники жизни». Под «техниками жизни» Фуко понимает «практики рефлексивные и произвольные, с помощью которых люди не только устанавливают себе правила поведения, но стремятся также преобразовывать самих себя, изменять себя в своем особом бытии и делать из своей жизни произведение, которое несло бы некие эстетические ценности и отвечало бы некоторым критериям стиля»²⁸ (280). Эти процессы становления субъекта Фуко называет по-разному — «техники себя», «технологии себя», «техники жизни», «искусства существования»²⁹, — пытаясь схватить в понятии то, что делает из человеческой жизни произведение. Благодаря этим «техникам себя» происходит становление морального субъекта.

Способы субъективации в античной морали Фуко раскрывает через понятие «использование удовольствий». Понятие «использование удовольствий» терминирует определенный опыт — «опыт наслаждения собой»³⁰, который складывается благодаря практике себя. В этой практике, равно и личной и социальной, отмечает Фуко, важное место занимает познание себя. Он рассматривает три практики самопознания, благодаря которым индивид осознает себя в качестве морального субъекта³¹.

«Процедуры испытания» составляют содержание одной из таких практик. Цель этих процедур состоит не столько в том, что они помогают совершенствоваться в добродетели и позволяют оценить уровень владения собой, которого удалось достичь. «Главной целью этих испытаний была отнюдь не практика воздержания как таковая: они приучали обходиться малым и владеть собой и в достатке, и в нужде»³². Эти испытания позволяли исследовать меру своей независимости от всего того, что не является необходимым для жизни.

Наряду с этими испытательными практиками Фуко описывает практики самоанализа, применяемые в античной культуре. Содержание этих практик составляли утренние «рассуждения», которые позволяли надлежаще подготовиться к делам дня наступающего, и вечерний анализ, подводивший итоги истекшего дня. Целью этих практик было упорядочивание каждодневной жизни, предупреждение пустой траты времени и сил, а также рассмотрение ошибок, «чтобы, исходя из памятуемого и продуманного признания своей неудачи, укрепить то рациональное оснащение, которое обеспечивает мудрое поведение»³³.

²⁷ Фуко, М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 256.

²⁸ Фуко, М. Использование удовольствий. Введение // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. С. 280.

²⁹ См.: Там же. С. 280, 377—378.

³⁰ Фуко, М. История сексуальности — III: Забота о себе. Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. С. 75.

³¹ См.: Там же. С. 67.

³² Там же.

³³ Там же. С. 71.

К практикам самоанализа можно отнести также анализ сновидений, опыт которого Фуко считает одним из эффективных инструментов самопознания. Он показывает, что анализ сновидений был составной частью техник существования, частью повседневной практики античности. Толкование снов было необходимым для обустройства повседневной жизни, поскольку подготавливало индивида к будущему. «Толкование снов... был труд, необходимый для обустройства своего существования и подготовки к грядущим событиям. Поскольку ночи пророчат о том, что приносит дни, то для того чтобы должным образом организовать свое существование в качестве мужчины, хозяина дома и главы семейства, следует уметь расшифровывать приснившиеся сны»³⁴. В образах сна сновидец сам или с помощью толкователя пытается отыскать будущий ход своей семейной, экономической и социальной жизни.

Наконец, он рассматривает технику «работы мысли над собой», которая выступает не просто испытанием способностей или оценкой изъянов в правилах поведения³⁵. Она представляет собой рефлексию своих собственных представлений на предмет соответствия их, с одной стороны, принятым на себя правилам поведения, значимым нормам и ценностям, с другой стороны, и реальному состоянию дел. Цель этой практики мысли состоит в оценке ситуации, чтобы затем «принять на себя только то, что зависит от свободного и разумного выбора субъекта»³⁶.

Таким образом, общая цель всех этих практик определяется единым ключевым принципом обращения к себе: *epistrophe eis heauton* (греческое — *возвращение к себе*, в том числе и в смысле *забота о себе*)³⁷. Составляя ядро практик внутренней субъективации, процедуры самопознания конституируют основные виды опыта «использования удовольствий»: отношение к телу, отношение к супруге, отношение к мальчикам и отношение к истине, которые определяли содержание феномена, обозначенного Фуко как «культура себя».

Культура себя — это культура, «в которой были усилены и переоценены внутренние связи с самим собой и повышена значимость отношения к себе»³⁸. «Культура себя» своим стержнем имела принцип «заботы о себе», который, как показывает Фуко, был весьма древним мотивом греческой культуры³⁹. В качестве распространенного императива этот принцип получил достаточно широкое распространение: он был образом действия, манерой поведения, пропитал различные стили жизни, оформился в многочисленные процедуры, практики, предписания, которые осмыслили, развивали, совершенствовали и передавали. «Он (принцип «заботы о себе»). — С. Г.) конституировал социальную практику, предоставив основание для межличностных связей. Обменов и коммуникаций, а порой и для институтов; наконец, он породил определенный способ познания и обработки знаний»⁴⁰. Именно в рамках этой культуры себя, ее тем и практик, приходит к выводу Фуко, в поздней античности осмыслилась мораль удовольствий, изменялся способ, которым индивид полагал себя в качестве морального субъекта. Возрастание роли самопознания как инструмента господства над собой в самых разнообраз-

³⁴ Фуко, М. История сексуальности – III: Забота о себе. Киев : Дух и литера : Грунт ; М. : Рефл-бук, 1998. С. 35.

³⁵ См.: Там же. С. 71.

³⁶ Там же. С. 73.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ Там же. С. 51.

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ Там же. С. 52.

ных процедурах испытания себя, проверки себя, контроля над собой превратило вопрос об истинности индивида, что он есть как таковой, что он делает и на что он способен в центральный момент становления морального субъекта.

Завершая рассмотрение, в силу необходимости беглого, внутренней стороны процессов субъективации, подчеркнем, что это именно сторона субъективации, такая же, как и внешняя субъективация. В реальной практике они тесно между собой переплетены, детерминируют друг друга и составляют единство процесса субъективации. В этой игре взаимных опосредований внешней и внутренней сторон субъективации ключевая роль принадлежит элементу, который служит границей, определяющей индивида в качестве субъекта. Этим элементом выступает Другой.

ДРУГОЙ — ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВАЦИИ

Субъективация как практика, в которой происходит складывание субъекта, есть в то же время определение индивида как субъекта (свободного и ответственного). Определение производится либо другими, либо самим. Что собой представляют эти Другие, которые определяют индивида в качестве субъекта?

Прежде всего, это другие индивиды. Это те, кто идентифицируют индивида в качестве преступника или законопослушного, здорового или больного, нормального или безумца. Раскрывая особенность признания в качестве механизма субъективации в процессах дознания, Фуко говорит, что аутентичность индивида долгое время устанавливалась через удостоверение другими и через манифестацию его связи с другими⁴¹. Описывая становление безумного субъекта, он отмечает, что «душевнобольной как раз складывается в качестве безумного субъекта по отношению к тому и перед лицом того, кто объявляет его безумным»⁴².

Однако у Фуко в качестве других выступают не только индивиды. Ими могут выступать и социальные институты, такие, например, как государство. В работе *Субъект и власть (1982)* Фуко предлагает рассматривать государство не как сущностное понятие, развившееся за счет презрения к индивидам, в том числе и к их жизни, но, напротив, как «чрезвычайно продуманную структуру, куда индивиды могут интегрироваться при одном условии — если такой индивидуальности придадут новую форму и если ее подчинят совокупности специфических механизмов»⁴³. Несмотря на то, что государство представляет собой глобализирующую и тотализирующую политическую силу, оно является достаточно мощным элементом субъективации, поскольку ему по самой сути присущи индивидуализирующие технологии⁴⁴. Другим примером социального института, осуществляющим субъективацию, выступает суверен⁴⁵.

Однако, называя в качестве Других других индивидов или социальные институты, важно отметить, что складывание субъекта у Фуко происходит в силу того, что другие

⁴¹ См.: Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 157.

⁴² Фуко, М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 256.

⁴³ Фуко, М. Субъект и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 171.

⁴⁴ См.: Там же. С. 169—170.

⁴⁵ Фуко, М. Воля к знанию: История сексуальности. Том первый // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М. : Касталь, 1996. С. 240—243.

определяют индивида в качестве *определенного* субъекта. Иными словами, его определение происходит не произвольно, но имеет некое условие. Что это за условие? Напомним то определение субъективации, которое ввел Фуко: субъективация — это процесс «организации некоего самосознания»⁴⁶. То есть субъективация — это процесс, разворачивающийся в некоем пространстве, а именно — в пространстве *определенного* дискурса. «Религиозные, юридические, терапевтические, а также частично — политические дискурсы совершенно неотделимы от такого выполнения ритуала, который определяет для говорящих субъектов одновременно и их особые свойства, и отведенные роли»⁴⁷. Именно в дискурсе, в котором участвуют индивид и те другие, перед лицом которых он складывается в качестве субъекта (самосознания), индивид становится в качестве *определенного* субъекта («некоего самосознания»). В этом смысле дискурс представляет собой «место», в котором разворачивается игра действий, взаимодействий, противодействий, содействий с Другим.

Элемент Другой присутствует и в практиках самоопределения, которые Фуко подробно проанализировал в работе *Забота о себе (1984)*, на примере становления морального субъекта в сферах семейной и публичной жизни. Рассматривая трансформацию моральных ценностей в период классического эллинизма в сфере семейной жизни, Фуко отмечает, что брак в эту эпоху становится «способом, посредством которого мужчина мог конституировать себя в рамках супружеских отношений как моральный субъект»⁴⁸. В эту эпоху брак начинает рассматриваться как союз, свободно заключаемый между партнерами⁴⁹, как соглашение, предполагающее обоюдное согласие супругов, которые добровольно принимают на себя личные обязательства⁵⁰. Эта трансформация приводит к тому, что брак стал для мужчины источником важного, интенсивного и, вместе с тем, сложного и проблематичного опыта⁵¹. Привлекая литературный материал (Мусоний Руф, Эпиктет и др.), Фуко показывает, что супружеские отношения в эллинистическую эпоху рассматривались в качестве отношений, наиболее соответствующих разумной человеческой природе. «Брак связывает человека, — пишет Фуко, — с самим собой, в той мере, в какой человек — существо природное и принадлежит к роду людскому»⁵². Необходимо иметь в виду, что в античности существует представление о семейной жизни как особом стиле существования, определенном искусстве быть вместе, которое позволяет двоим создать новое единство⁵³. Отсюда вытекает, по мнению Фуко, одна из наиболее своеобразных черт этого искусства состоять в браке: тесная взаимосвязь внимания к себе с заботой о совместной жизни. Поскольку человеческое существо есть брачный индивидуум, природа которого осуществляется в практике совместной жизни, то отношения к другому (женщине, жене, супруге) и отношения к себе изначально совместимы, так что искусство супружеской жизни является неотъемлемой

⁴⁶ Фуко, М. Возвращение морали // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Практикс, 2006. С. 284.

⁴⁷ Фуко, М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М.: Касталь, 1996. С. 73.

⁴⁸ Фуко, М. История сексуальности – III: Забота о себе. Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. С. 91.

⁴⁹ См.: Там же. С. 86.

⁵⁰ См.: Там же. С. 87.

⁵¹ См.: Там же. С. 91.

⁵² Там же. С. 169.

⁵³ См.: Там же. С. 173—175.

составной частью культуры себя⁵⁴. Супружеская жизнь так преобразует жизнь ее участников, что супруги, будучи привилегированными партнерами, воспринимаются как существа, полностью тождественные друг другу, как элементы субстанциального единства. В рамках культуры себя, заключает Фуко, тема брака приобретает характер парадоксальный и философский: жена рассматривается здесь как другой по преимуществу, но, вместе с тем, муж должен признавать ее в качестве стороны, составляющей с ним некое единое целое⁵⁵. Отсюда и особое отношение к сексуальным удовольствиям в рамках брака. Они допустимы и оправданы, поскольку позволяют супругам «сберечь непорочную свою природу и сущность, чтобы чтить себя как разумное существо»⁵⁶. Сексуальные удовольствия в пределах брака выступают адекватным отношением к себе как разумному существу.

Другой важной сферой жизни человека, в которой он конституируется как активное, разумное и ответственное существо, т. е. как субъект, является его общественно-политическая жизнь. И здесь, как и в семейной жизни, можно наблюдать те же механизмы складывания субъекта. Правда, общественно-политическая жизнь, как жизнь с другими по существу, более рельефно, как показывает Фуко, демонстрирует процесс становления индивида как субъекта.

Политическая жизнь человека всегда проходит в противоречивой связи процессов моего отношения к другим, и, соответственно, отношения других ко мне, и моего собственного отношения к самому себе. Фиксируя специфику этого процесса в классическом эллинизме, Фуко отмечает две противоположные тенденции, благодаря которым происходит становление политического субъекта. С одной стороны, акцентуация своей самотождественности в общественно-политической жизни проводилась индивидом с помощью фиксации своего статуса и тех элементов, которые демонстрировали этот статус. С другой, индивид должен был определиться в чистом отношении к самому себе. «Здесь речь идет, — пишет Фуко, — о создании и признании себя субъектом своих действий не через систему знаков, выражающих власть над другими, но посредством отношения, предельно независимого от социального статуса и его внешних проявлений, поскольку оно реализуется в господстве над собой»⁵⁷. Иными словами, становление политического субъекта зависит как от положения в обществе, во многом определяемого рамками рождения и социальным рангом, так и от личного акта самоопределения. Таким образом, эти тенденции фактически реализуют самую древнюю этическую максиму отношения с Другим — только умея управлять собой, индивид может надлежащим образом править другими.

Подведем итоги. Термин «субъективация» позволяет Фуко представить процесс становления субъекта, как свободного и ответственного индивида, в виде сложного механизма реализующегося в пространстве взаимодействия с Другим. В отличие от традиционной трактовки формирования субъективности, которая в основном ограничивалась анализом процесса становления самосознания, зрелой рефлексии, Фуко вскрывает сложное переплетение индивидуальных усилий человека с давлением социального окружения. Он на большом материале показывает, что становления субъективности не

⁵⁴ См.: Там же. С. 176—177.

⁵⁵ См.: Там же. С. 177.

⁵⁶ Там же. С. 198.

⁵⁷ Там же. С. 96.

есть процесс рефлексивно-познавательный, но в основе своей практический, детерминированный не столько силой собственного разума индивида, сколько той социальной практикой, в которую он включен. Более того, становление индивида в качестве субъекта — это многосторонний и многоплановый процесс, в результате которого получается не единственный самоотжественный субъект, но субъект множественный, внутренне расчлененный, благодаря тем практикам и техникам, которые определяли его, или благодаря которым он определялся сам. С этой точки зрения субъективность можно рассматривать в качестве точки приложения практик и техник власти. Субъективностью обладает тот индивид, который признает себя (через процедуры идентификации и самоотжествления) в качестве субъекта той или иной практики.